

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды,
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Николай Гумилёв.

«Солнце духа»

Жизнь и человеческая судьба пронизаны символами. Концепция символа как вечного вошла и в литературу. Осень – одно из самых пророческих времён в истории и природе земли – итог определённого пройденного пути, или часто та последняя черта, когда открывается и высота, и бездна. И русский поэт Николай Гумилев неслучайно в своих стихах обращается к этой философской и знаковой поре, как неслучайно и Лидия Довыденко назовёт свою книгу о нём «Гумилёвская осень» (Калининград: «Капрос», 2009), в самом названии которой символически задана многовариантность прочтения. Книга посвящена тем десяти напряжённым дням октября, когда Николай Степанович, будучи вольноопределяющимся Лейб-гвардии Её Величества Уланского полка, оказался на территории нынешней Калининградской области, где в августе 1914 года развернулись события Первой мировой войны. Данный «пространственно-временной перекрёсток в жизни Гумилёва», на каком неоднократно концентрирует внимание Лидия Довыденко, и стал целью её историко-краеведческого и философско-литературного исследования. Нужно сказать, что пребывание поэта на военной службе в годы первой мировой войны – малоизученная страница его биографии, которая долго оставалась почти неосвещённой. Но не так много информации на этот счёт мы имеем и сегодня. По мнению автора, «исследователи творчества поэта совершенно не уделили внимания данному периоду».

Лидия Владимировна Довыденко – автор 20 художественных и публицистических книг, лауреат и победитель многочисленных всероссийских и международных литературных премий и конкурсов, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», что стал за пять лет с момента его создания достаточно известным периодическим изданием не только в России, но и за её пределами, журнал охватывает различные временные отрезки в истории русской культуры и литературы.

Сквозь толщу лет, эпох, исторических наслоений ведёт нас автор книги «Гумилёвская осень», ведет уверенно, погружаясь в лучшие произведения поэта, пропуская через себя его творчество, высвечивая день сегодняшней, при этом не боясь заглянуть и в наше завтра, представляя сложный и многомерный аспект поэтического искусства Серебряного века. «Эволюционный взгляд Гумилёва, его изменяющееся отношение к ратному делу, к жизни, к творчеству, связан с десятью днями под прусским небом», – читаем мы в книге точные и выверенные авторские мысли.

Конец XIX – начала XX веков – время, насыщенное событиями огромного исторического значения, переломными и глобальными. Глубокий кризис, охвативший всю европейскую культуру, отразился и на русской литературе. Серебряный век насчитывал 35 литературных направлений. И совершенно очевидно, что каждая эпоха рождает свои незаурядные имена и личности, которые со временем становятся её ведущими символами. А. Блок, А. Белый, В. Иванов – символисты с ярко выраженным философско-религиозным пониманием мира; Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Кузмин, О. Мандельштам, С. Городецкий – акмеисты, утверждавшие возврат к миру материальному, к таковому, каков он есть. Гумилев удивительным образом вобрал в себя и черты символизма, и романтизма, и некоторые черты футуризма, и имажинизма. Поэтический мир его был далеко неоднозначен. Пожалуй, единственное, что роднило всех – любовь к родине и народу. В их поэзии, по словам М. Горького, «запечатлены великие порывы духа» истинных художников. «Сердце русского писателя, – говорил он, – было колоколом любви и вещей, и могучий звон его слышали все живые сердца страны...»

На историческом рубеже конца XX и начала XXI мы прошли аналогичную ломку и материальных, и духовных ценностей, тот же по сути мучительный переход в новую неизвестную реальность. Нам сегодня так же крайне важно почувствовать себя одним целым, неразъединимым во времени и пространстве, важно проникнуться непреходящими смыслами и тайнами природы, человека, Бога, что всегда волновало передовые умы любой эпохи. И не зря Д. С. Лихачев на стыке XX и XXI столетий говорил: «<...> Культура движется вперёд не путём перемещения в пространстве, а путём накопления ценностей...» А что может быть более ценным, чем человеческая жизнь, наполненная служением родине? В мире всё повторяется, всё, кроме отдельной судьбы. И каждый год этой жизни, особенно творческой, чрезвычайно значим, как для самой личности, так и для пространства, где эта личность жила и творила. Именно о значении всего десяти дней в четырёхлетней воинской и тридцатипятилетней жизни поэта Н. С. Гумилёва и рассказывает Л. Довыденко.

Вспомним последние дни жизни великого писателя и мыслителя Л. Н. Толстого, когда он был предельно радикален, считая, что даже в самый роковой момент, момент собственной смерти, можно и не поздно ещё изменить многое, если ты осознал главную истину. Но мы, к сожалению, привыкли к упрощению, и наше современное общество, страдающее леностью ума, инерцией мысли, не готово порой к подобного рода литературе, в которой прежде всего прочитывается позиция писателя по отношению к миру: социальная, философская, эстетическая, как в книге Л. В. Довыденко «Гумилевская осень», когда приходит это мудрое время по Экклезиасту, время анализа и содержательных оценок. Хочется сказать и о впечатлениях, вызываемых самим авторским повествованием. Книга написана изящным чётким языком и ясным стилем. Она словно возвращает ускользающее время, помогая увидеть изнанку тех далёких, но таких исторически важных событий и в судьбе России, и в судьбе поэта, в груди которого мерно билось её «золотое сердце». Предельно упруг ритм книги, в чём-то сравнимый и с такой же стремительной гумилёвской строкой. «Гумилёвская осень» – зримое воплощение авторского художественного стиля, в котором реалистическое письмо, публицистика искусно озвучены живой поэтической речью. В ней задана установка на краткость, конкретику и лаконизм. Книга впечатляет синтезом философии и литературы, феномена, малоизученного сегодня, а также истории, краеведения, реальной жизни, где всему этому придается поэтическая окраска и сопутствует пронзительный взгляд автора, вбираю-

щий в себя вечную силу искусства и силу красоты этого противоречивого, но всё же такого прекрасного мира.

«...милый запах земли»

Автор чётко очерчивает конкретный маршрут, когда началось второе прусское наступление русской армии: 14 октября 1914 года – Ширвиндт – ныне посёлок Кутузово; Пилькален – посёлок Добровольск; Ласденен – город Краснознаменск; Шилленен – посёлок Победино – места боёв, «в которых довелось принять участие русскому поэту Николаю Степановичу Гумилёву, описанных им в документальной повести «Записки кавалериста». Краеведческая страсть и вдумчивая аналитическая мысль философа и литератора помогают Л. Довыденко вновь увидеть эти легендарные места, хранящие гумилёвские «священные ночи» и «огнезарные дни», увидеть «записи судеб» поэта-воина, поэта-путешественника, конквистадора и рыцаря, поэта-ратника с высоты тех ушедших времен.

«Есть так много жизней достойных», – писал поэт, провидчески заглядывая далеко в будущее. Л. Довыденко, общаясь с «творческими, прекрасными жительницами Краснознаменска», скажет, что их «с полным правом можно отнести к тем, кто «грезился» Гумилёву, ведь он писал: «Так не умею думать я о смерти, / И все мне грезятся, как бы во сне, / Те женщины, которые бессмертье / Моей души доказывают мне». И приведёт вдохновенные стихи Людмилы Быковой, которые она посвящает поэтам Серебряного века и которые перекликаются со стихами самого Гумилёва. Круговорот всего происходящего в мире, в человеческой судьбе, таинственная лента Мёбиуса – всё это нашло продолжение в гениальных стихах поэта: «Так, объаты тихую печалью, / детство от себя в себе тая, / мы стремимся от конца к началу, / замкнутые в кольцах бытия». И многое повторилось, только в другой жизни, в другом тысячелетии. Нечто мистическое и вечное, для которого нет времени, нет забвения, если живет чья-то неизбывная память, что подтверждают и стихи нашей современницы, учителя химии Нины Цветковой, – «Жертвам репрессий»:

Гумилёв писал стихи о многом / До ещё случившейся беды,
И теперь мы ходим по дорогам, / Где его разбросаны следы.
Вместе плачем горькими слезами / По своей растерзанной стране,
А поэт летит под облаками / На крылатом белом скакуне.

Прощаясь с Пруссией, Гумилёв писал в документальной повести «Записки кавалериста» о невероятном «счастье вырваться в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли». Несмотря на то, что ему не было и сорока лет, у него уже сформировалась собственная стратегия освоения мира.

«На священный, долгожданный бой»

Пусть дух твой станет тих и спокоен,
Уже не будет потерь:
Он божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

Анна Ахматова, «Утешение», 1914 г.

«Почему поэт стал воином?» – задается автор закономерным вопросом, размышляя о судьбе Гумилёва, о её предначертании и о божественной судьбе слова в его короткой, но такой насыщенной событиями жизни. Глеб Струве, аналогично отмечая её интенсивный ритм, скажет и о том, что «поражает как бы полное отсутствие воспоминаний о Гумилёве – солдате и офицере». Неужели не настало время написания полной и исчерпывающей биографии выдающегося русского поэта?! И в книге «Гумилёвская осень» Л. Довыденко пытается восполнить столь непростительный пробел в военной биографии поэта, она ищет причины его ухода на фронт, ведь в 1907 году Гумилёв получил освобождение от воинской повинности по болезни глаз. И тем не менее, как пишет автор, «он с упорством пробивал себе дорогу на фронт». Он был настойчив и ему удалось добиться принятия в армию добровольцем, как тогда говорили, «охотником». Подобное определение, как нельзя лучше, характеризовало Гумилёва, за плечами которого уже были две африканские экспедиции. «Прежде, чем стать воином, он стал путешественником», – замечает Л. Довыденко. Именно об этом

в 1915 году писал Ф. К. Сологубу и сам Гумилёв: «<...> Мне всегда было легче думать о себе, как о путешественнике или воине, чем как о поэте...»

Н. Гумилёв обладал тем восхитительным и стремительным воображением, без которого не бывает настоящей поэзии. Странствия вливали в неё новые впечатления и образы. Известный философ Н. Лосский свою главную книгу «Обоснование интуитивизма» начинает словами: «В душе каждого человека, не слишком забитого судьбой, пылает фаустовская жажда бесконечной широты жизни. Кто из нас не испытывал желания жить одновременно и в своём Отечестве, волнуясь всеми интересами своей родины, и в то же время где-нибудь в Париже, Лондоне или Швейцарии, в кругу других, но тоже близких интересов и людей, обладающих интеллектуальной и мистической интуицией». Гумилёву даже за столь непродолжительный отпущенный ему жизненный отрезок удалось во многом утолить эту фаустовскую жажду. Собственно, она и не покидала его никогда.

И, когда в июне 1914 года в далеком Сараеве раздался роковой выстрел Гавриила Принципа, и Европу охватил пожар войны, то ответом был патриотический порыв, охвативший всё русское общество. С этого момента и начинается та трагическая эпоха, которую мы так до конца и не пережили. Россия испытала потрясение, какое сотрясает нас до сих пор. В автобиографической прозе Анна Ахматова писала: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, так же как XIX начался Венским конгрессом. Календарные даты значения не имеют». Л. Довыденко в книге обращает наше внимание на сложные взаимоотношения Н. Гумилёва с женой А. Ахматовой: «<...> их отношения скорее были тайным единоборством...» Может поэтому никто не мог отговорить Гумилёва идти на фронт. Он был едва ли не единственным среди видных русских писателей, кто отозвался на обрушившуюся на страну войну действительно, и почти тотчас же, 24 августа, записался добровольцем. «Гумилёва от многих отличало его мужество, его неустранимость, его влечение к риску и тяга к действительности», – справедливо подчеркивал Глеб Струве. Это подтверждает и Вячеслав Иванов, ссылаясь на бытовавшую в русской литературе эстетическую концепцию исполнения жизненного долга, когда осуществление общего дела было важнее дела поэзии. Ещё сильно и остро впечатляли живые примеры Давыдова, Лермонтова, Толстого. Дело «мореплывателя и стрелка», ездившего, как Хемингуэй, в Африку, привело Гумилёва и на фронт. Возможно, выходом из сложившейся тяжёлой личной ситуации и оказалась война и участие в ней, о чем он напишет в «Пятистопных ямбах»:

И в рёве человеческой толпы, / В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы / Я вдруг услышал песнь моей судьбы
<...>

Так сладко эта песнь лилась, маня, / Что я пошёл, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня, / И поле, полное врагов могучих...

Впрочем, существовало в литературе и понятие иного ухода, не только на войну, открытого побега от общества, семьи, родных и близких – пример того же Л. Н. Толстого.

Между тем, в своей книге Л. Довыденко смогла в сжатой форме, ёмко и образно донести до нас немало информации из военной жизни Гумилёва. Вот некоторые штрихи того периода: 5 августа 1914 года Гумилёв уже в военной форме, и их с Ахматовой на Царкосельском вокзале встречает Блок. Имея право самому выбирать род войск, Гумилёв предпочёл кавалерию, так как с раннего возраста полюбил верховую езду, природу и скитания. Обучался владению шашкой, брал уроки фехтования. Ахматова вспоминала, что поэт взял с собой на войну, как потом и в тюрьму, Евангелие и книгу Гомера. Автор цитирует А. Левинсона, касающегося патриотизма Гумилёва, который был, по его убеждению, «столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание...» «Глубокое религиозное восприятие Гумилёвым войны» отмечал и Г. Струве. Этому свидетельству – одни из лучших во всей «военной поэзии» в русской литературе стихи о войне, вошедшие в его сборник «Колчан» (1916), где сказались и романтически-патриотические чувства Гумилёва, и философско-лирические.

16 октября 1914 Уланский полк Гумилёва подошел к границе Восточной Пруссии, а 17 октября боем, в котором он участвовал, были взяты Владиславов (Литва) и Ширвиндт (посёлок Кутузово Калининградской области). «В разъездах Гумилёв находился два дня 18 и 19 октября», – сообщает автор, уточняя, что поэт был в разъезде в направлении на Шилленен, где проходила железная дорога, о которой он укажет в своей повести «Записки кавалериста». Как видим, перед нами своеобразный вариант исторической хроники тех десяти дней на прусской земле, проведённых Гумилёвым, в ко-

торой Л. Довыденко следует и литературному, и жизненному документальному материалу, беря за основу его повесть «Записки кавалериста», и в процессе изложения приводит выдержки из нее. Книга конкретизирует: первые две главы повести посвящены именно боевым действиям в Пруссии.

Естественной интонацией, образным языком, хорошо выверенным стилем, над которым Гумилёв усиленно работал, вселяет доверие уже само начало повести. Гумилёв потом напишет о том, что подобного результата он добивался «месяцами усиленной работы над стилем прозы», пытаясь «победить роковую инертность пера», и постоянно живя «заботами о выработке прозаического стиля». Буквально с первых строк Гумилёв заинтересовывает повествованием о кавалерии, о которой на страницах своего документального произведения он рассказывает приподнято, «с воодушевлением: «Мне, вольноопределяющемуся-охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных, вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы – подёнщики войны, выносящие на своих плечах всю её тяжесть, то кавалеристы, – это весёлая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Не ни зависти, ни соревнования. «Вы – наши отцы, – говорит кавалерист пехотинцу, – и за вами, как за каменной стеной». Тон повествования будет меняться по мере осознания нелёгкого дела войны, но никогда у автора «Записок...» не встретишь полного уныния, в большей степени лишь лёгкую иронию и безобидный юмор. Убеждаешься, что Гумилёв не был жесток даже в условиях войны. Вера и добро жили в его душе. Далее в «Записках кавалериста» он скажет «о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны», о «внезапно закипевшей жажде боя и мести», о мечте об атаках, о долгожданном наступлении, когда «наступить – всегда радость, удесятёрённая гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы», «время, когда от счастья спирается дыхание, время горящих глаз и безотчётных улыбок».

В документальной повести Гумилёва все названия поселков и городов обозначены лишь заглавными буквами, поэтому автор поясняет данный нюанс, проводя сопоставления относительно современных названий, непосредственно отсылая и к гумилёвскому тексту «Записок кавалериста». Так, 26 октября наступление русских войск было продолжено, в результате – взяты Вилюнен и Шилленен. А затем последовало решение вернуть Уланский полк в Россияны и готовить к переброске на другой фронт. «Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат, но, когда я посмотрел на звёзды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил моё боевое крещение», – скажет Гумилёв, покидая Пруссию. В свою очередь и Л. Довыденко сделает вывод: «Итак, поэт воевал совсем немного на территории нынешней Калининградской области в окрестностях нынешних посёлков Кутузово, Победино и Добровольска. <...> здесь Гумилёв получил «боевое крещение», и именно об этом периоде его военной жизни написано в первых двух главах «Записок кавалериста».

Причём, достаточно обстоятельно автор говорит и об исторической роли России во Второй мировой войне и в главе «Война идей» анализирует общую ситуацию на политической карте мира. Лидия Владимировна упоминает прекрасные высказывания русского философа, князя Евгения Николаевича Трубецкого, для которого были очевидны ключевые истины: «Россия – держава-освободительница», «защитница всех малых и слабых народов», имеющая свой «собственный образ Божий», потому что она «служит всему человечеству», подчиняясь «сверхнародному смыслу войны» – идее «освободительной миссии». Большое значение уделяет автор и роли Николая II, ясно понимающего необходимость уничтожения всё нарастающего германского милитаризма.

Общеизвестно, что XIX век в истории России был ознаменован многочисленными войнами, но начало XX века потрясло всех особенно – страшной и тяжёлой войной, которая так непредсказуемо закончилась для России, ужасая неимоверной беспредельностью жертв русского народа. В главе Л. Довыденко «Война идей» дана объективная характеристика политического и экономического положения Германии, когда явственно становятся понятны причины катастрофы и высвечивается логика извечного немецкого пути, что отзовется и во второй мировой войне. Г. Гейне еще в 1834 году писал: «Мысль предшествует действию, как молния – грому <...> и если вы однажды услышите грохот, какого ещё не слыхивала немецкая история, то знайте: немецкий гром наконец-то достиг цели». Однако при всех потерях и неудачах России удалось преодолеть и надломить эту немецкую

радикальность, этот интеллектуальный рационализм Германии, который не знал себе подобных и который роковым образом повторился в 1941 году, чтобы быть окончательно поверженным русским народом.

«Дело величавое войны»

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилев

Русская тема и тема войны – в послевоенном поэтическом творчестве Н. Гумилёва новые темы. Он уже не только «зачарованный викинг», который «шёл по земле...», но и настоящий герой, властитель дум. Поэт явственно слышит зов родной земли, он выпитал её силу и мощь, её кровь и скорбь. Невероятное преодоление любых физических трудностей стало одним из главных мотивов как его военных стихов, вошедших в сборники «Колчан» и «Костёр», так и военной прозы, в частности, документальной повести «Записки кавалериста». Автор книги «Гумилёвская осень» акцентирует наше внимание на этом прозаическом произведении поэта, в семнадцати главах которого отражены события, связанные с пребыванием его в Уланском полку, в особенности, на периоде с октября 1914 года по сентябрь 1915 года, когда Гумилёв участвовал во втором прусском походе. Л. Довыденко подробно останавливается лишь на первых двух главах повести, рассказывающих о боевых действиях на территории нынешней Калининградской области.

Книга «Гумилёвская осень» – это в чём-то особый взгляд на историю войн, раскрывающий совершенно неожиданные и давно забытые моменты тех далёких времен. И, обращаясь к «Запискам кавалериста», мы сегодня глубже и шире постигаем феномен бытия в условиях войны, безусловно, увеличивающий интерес к живой человеческой личности, какую не всегда можно судить жёсткой мерой требований «нравственного императива», ведь в повести Гумилёва предстают обычные, земные люди в военной форме, когда принцип «хорошие – плохие» уже своё отжил, потому что реальная жизнь автора «Записок...» привлекает гораздо больше. Мы понимаем, что не просто варить эту критическую похлебку войны. И нам нужна правдивая литература о минувших войнах, как Отечественной 1812 года, как первой мировой 1914 года, так и Великой Отечественной 1941-го.

Здесь уместно привести поразительное высказывание Ф. Тютчева, строки из его стихов «Неман» о войне 1812 г., которые есть в книге, строки, по-своему пророческие, и тем самым подчеркивающие духовное родство поэтов: «И целость русского народа ты там навеки утвердил». Н. Гумилёв, как и философ Е. Трубецкой, видел в войне «возрождение образа единой России», укрепление её национальной мощи. Поэт страстно мечтал на своём скакуне въехать в побеждённый Берлин. Истинно дороги всех русских войн вели в Берлин! Он так мечтал одеть «парадную форму»! Она была уже изготовлена по императорскому распоряжению Николая II для всей русской армии, но этот освободительный порыв лихо перехватили революционеры, и легендарные буденовки, и кожаные куртки, предназначенные для торжественного парада, в итоге пришлось в пору Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Горькое прозрение и разочарование ожидало участников Первой мировой войны.

А пока война и само её бравурное начало воспринимались по-рыцарски. «Розы за ушами лошадей», как писал Гумилёв, позже сменились суровым пониманием войны. И всё же поэт был в большей степени оптимистом. Он описывает «самые трогательные и счастливые часы перед боем», хотя «в благословенной кавалерийской службе даже отступление может быть весёлым». Как хороший рассказчик и собеседник, Гумилёв не испытывал недостатка в друзьях, пользовался заслуженным авторитетом среди сослуживцев и службу закончил в чине прапорщика полка. А. Ахматова говорила в последствии: «Как бы свято ни было чувство долга, Гумилёв – честный, храбрый солдат – боялся войны, боялся греха убийства». Он был человеком православным, настоящим христианином, верил в Бога. Человеческая жизнь имела для него истинную ценность. Читая «Записки кавалериста», мы убеждаемся в том, что содержание любого произведения определяется только поведением самого художника. И Гумилёв является ярким свидетельством того, что содержание есть сам художник, есть собственная душа, заключённая в форму. Ведь и смысл христианства выражается в жертвенной любви.

Целая философия духа предстает в его описаниях, посвящённых одной из ночей перед боем, когда физические лишения тела не могут сломить патриотический дух, о чём он потом скажет и в гражданственных стихах «Наступление»: «Я всю ночь не спал, но так велик был подъем наступления, что я чувствовал себя совсем бодрым. Я думаю, что на заре человечества люди так же жили нервами, творили много и умирали рано. Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые, дремавшие прежде силы». Нечто подобное прочитывается и в описании Гумилёвым другой ночи, когда поэту-воину сопутствует символический образ розы, по словам В. Иванова, это «роза духа, аромат и огонь которой ему открылся в бдениях фронтовых ночей». «И всё же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его», – здесь сливаются и романтизм, и трезвые реалии войны, потрясающие своей мощной и непоколебимой верой в человека.

Мысли и высказывания русского философа, князя Е. Трубецкого (1863–1920), из его книги «Смысл жизни», которую он писал в годы гражданской войны, когда Россию постигла духовная катастрофа, помогают тоже взглянуть на жизнь совсем другими глазами, без суеты повседневности. Посреди братоубийственной бессмыслицы, остро переживая происходящее, он искал то, ради чего всё-таки стоит жить: «Вся жизнь наша есть стремление к цели. От начала и до конца она представляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. Есть цели, желательные не сами по себе, а ради чего-нибудь другого: например, нужно работать, чтобы есть и пить. Но есть и такая цель, которая желательна сама по себе. У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой безусловно стоит жить... вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в искании этого смысла». Никакие временные неудачи не останавливали и Н. Гумилёва в его духовном росте, в его неудержимом стремлении к высшей цели. Поэт будто предчувствовал, предвосхищал свою судьбу, зная, что человеку отмерено в этой жизни не так много. Он был несказанно храбр и выдержан, внутренне спокоен, был готов в любой момент к смерти. Не раз, о чем говорится и в «Записках...», стоял «у бездны мрачной на краю», но должен был пройти свой путь до конца, ради единственной и великой цели. Об этом поэт признавался и в своих письмах с фронта, которые дышали отрезвляющим вдохновением борьбы и победы над самим собой. «Чеканить, гнуть, бороться» – слова, от которых исходил металлический холодок совершенства, стали его поэтическим лозунгом жизни.

Ирина Одоевцева писала в стихах: «Он был среди храбрых храбрейшим, / И может быть оттого / Вражеские снаряды / И пули щадили его». Два солдатских Георгия, полученные поэтом, на протяжении первых пятнадцати месяцев войны сами говорят за себя. Гумилёв умел сочетать трагизм жизни, такой скоротечной и несправедливой, с наслаждением и восторгом от неё. Не всем это дано. Война обостряет внутреннее зрение и дает чувство обретаемой свободы, когда ты вдруг можешь взглянуть в глаза смерти. Чрезвычайно поразительно, но Гумилёв предсказывал собственную смерть в 53 года, а получил в 35 – мистика, словно зеркальное отражение и зловещее воплощение последовательности цифр. История культуры знает мистические числа: 37 – знак смертной черты в судьбах многих творцов. Гибель Лермонтова, Гумилёва, Есенина отозвалась долгим и болезненным эхом в русской лирике, ведь, как оказалось, никто так жертвенно не любил Россию, её историю и культуру, как те, кого за это преследовали. Парадокс, но подлинные поэты умирают на взлёте. И нам лишь остаётся потом собирать по крупицам скудные сведения о них, чтобы явить миру и потомкам истоки их стоицизма, истоки их жизненной и творческой позиции.

Л. Довыденко упоминает в книге, что 17 глав «Записок...», не считая двух глав о Пруссии, посвящены военным действиям в приграничных регионах Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. Разумеется, возникает жгучее желание прочесть всю повесть, она этого заслуживает. Гумилёв удивляет массой вещей, захватывает горячей бытовой деталью. В. Брюсов, который не понял позднего Н. Гумилёва, оказался прав в одном, считая, что он был «более эпиком, чем лириком». В гумилёвских «Записках...» мы находим и поэзию войны с её ночным звёздным небом, и романтизм В. Скотта, и дивное зрелище – наступление пехоты. «Мы седлали ещё в темноте, и по дороге к позиции я люблю»

вался каждый день одной и той же мудрой и яркой гибелью утренней звезды на фоне акварельного рассвета...», или ещё: «Иногда мы останавливались в лесу на всю ночь. Тогда, лежа на спине, я часами смотрел на бесчисленные, ясные от мороза, звёзды и забавлялся, соединяя их в воображении золотыми нитями...» – разве это не та же поэзия в прозе?! Дальше всё конкретней и чётче проступает суровая действительность войны: «Я ел хлеб со снегом...», «Люди засыпали в сёдлах...», от невыносимой усталости, катастрофического недосыпания у них «порой возникали галлюцинации...»

Гумилёв часто был на волосок от смерти и «бормотал молитву Богородице», но и узнал, как нагладу за томительные ожидания, «ослепительную радость последней победы». Напряжённый диалог между Жизнью и Смертью ведёт он в «Записках...», что добавляет его лёгкой строке уверенности, философской сосредоточенности и углубленности. Поэт резонно писал Михаилу Лозинскому о том, что «успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчётов». Участие в боях на территории Восточной Пруссии, как отмечает автор, поэт назвал «лучшим временем жизни». Затем, что вполне закономерно, его тон меняется, ведь мы знаем, каковы были результаты Первой мировой войны, знаем о подписанном Россией «позорном» Брестском мире, когда до желанной победы оставалось так непростительно мало. «Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги – мои стихи, мои путешествия и эта война», – вот комментарий самого поэта. И автор расставляет акценты, обращая наше внимание на то, как изменилось отношение Гумилёва к войне, лишённое прежней эйфории и теперь это уже только «работа по ассенизации Европы». Разочарование постигло многих представителей русской интеллигенции. К примеру, художник редкой оригинальности, очень противоречивый и сложный, талантливо сочетающий будничное и обыденное с идеально-высоким, общечеловеческим, поднимающий глубинные проблемы нравственной философии, Леонид Андреев, кстати, уникальный писатель, до сих пор недостаточно исследованный и оцененный в русской литературе, пришёл в конечном итоге к осуждению войны как таковой. Еще в повести «Красный смех», используя насыщенные экспрессионистические приемы письма, он высказывает своё отрицательное отношение к русско-японской войне, описывая её кровавую бойню, безумие и ужас. Литературная параллель: частое присутствие красного цвета встречается и на страницах повести Н. Гумилёва «Записки кавалериста», просто он старается избегать сгущения трагических красок, не увлекается ими. Однако российским государством не были сделаны должные выводы о причинах проигранной русско-японской войны, не была пересмотрена не совсем эффективная система управления страной. Может поэтому и Первая мировая война закончилась революцией и гибелью Империи. Что касается войны 1914 года, Л. Андреев писал так: «Россия должна победить, какой бы ни было ценой, и в стремлении достичь победы народ и правительство должны быть абсолютно едины». Его повесть «Иго войны» (1916) о событиях того периода тоже порицала убийственную сущность войны. Андреев не стал в ряды активных строителей новой культуры, Октябрь не принял. Основатель абстракционизма В. Кандинский, создавая эпохальные «Композиции», предсказал весь XX век по своим художественным смыслам. В них: 1913 год – время, истекающее перед Апокалипсисом, плавно переходящее в 1914, обозначающее категорию абсурда, хаоса, где преобладает цветовая гамма чёрного и красного как предчувствие всех грядущих войн.

В своих поэтических озарениях, предвидя будущее, не ошибся и Гумилёв. Он с самого начала не скрывал отрицательного отношения к большевистскому режиму, что и приблизило его неминуемую кончину. Поэт в стихах, входящих в его последние сборники, предсказал свою смерть. «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще...» – остается лишь поражаться его сверхчувственной интуиции (Сборник «Колчан», «Я и вы»). 26 октября 1921 года Н. Гумилёв был приговорен к расстрелу. Воистину – это трагическое завершение жизни человека, которому был неведом страх. И разве можно не думать об этой жизни, как о подвиге?! Иначе, что же тогда есть подвиг?

Продолжение в следующем номере